

УДК 94(57)

Цубикова Любовь Сергеевна,

к.и.н., доцент, доцент кафедры «Экономика, маркетинг и психология управления»,
ФГБОУ ВО «Ангарский государственный технический университет»,
e-mail: lkor11@mail.ru

**ПРАКТИКА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ЛЬГОТ ДЛЯ СЕЛЬСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.
(НА АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Tsubikova L.S.

**THE PRACTICE OF TAXATION AND APPLICATION OF BENEFITS FOR THE RURAL
POPULATION OF EASTERN SIBERIA IN THE FIRST HALF OF THE 1930S.
(BASED ON ARCHIVAL MATERIALS OF THE IRKUTSK REGION)**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы налоговой политики на территории Восточной Сибири в первой половине 1930-х гг. Автор приходит к выводу, что налогообложение носило социально-ориентированный характер и являлось одним из инструментов советской власти для реформирования села. С помощью льгот, скидок для одних и прогрессивных ставок, дополнительных налогов и сборов, для других, была заложена новая система социально-экономических взаимоотношений на селе.

Ключевые слова: колхозы, единоличные хозяйства, кулаки, сельское хозяйство, налоги, единый сельскохозяйственный налог, льготы.

Abstract. The article examines the issues of tax policy in Eastern Siberia in the first half of the 1930s. The Author comes to the conclusion that taxation was socially oriented and was one of the tools of the Soviet government for reforming the village. With the help of benefits, discounts for some, and progressive rates, additional taxes and fees for others, a new system of socio-economic relations in the village was laid.

Keywords: collective farms, individual farms, kulaks, agriculture, Eastern Siberia, taxes, unified agricultural tax, benefits.

Первая половина 1930-х годов в советском государстве, в том числе в Восточно-Сибирском крае, связана с активным проведением налоговой политики на селе в сочетании с такими крупными кампаниями как раскулачивание, сплошная коллективизация.

На сегодняшний день вопросам налогообложения посвящено достаточное количество трудов, как на общероссийском уровне, так и на уровне отдельных регионов [10-14, 19]. В то же время следует отметить, что тема не до конца изучена в рамках выбранного нами региона, к тому же нами выявлены архивные источники, которые еще не введены в научный оборот. Все это привносит в рассматриваемый вопрос элемент новизны и актуальности.

Важным документом по налогообложению 1930 г. стало постановление «Положение о едином сельскохозяйственном налоге» (далее – Положение 1930), подписанное 23 февраля Центральным исполнительным комитетом и Советом народных комиссаров. По нему обложению подлежали единоличные крестьянские хозяйства, колхозы, совхо-

зы и кулацкие хозяйства. Данный документ предусматривал повышение норм доходности (к примеру, в Иркутском округе они повысились на 10 %), что должно было снизить налоговое бремя на занятых сельским хозяйством. В целом политика налогообложения носила социально ориентированный характер. Так, кулацкие хозяйства должны были облагаться по «действительной доходности в индивидуальном порядке», а не по нормам. К ним применялись прогрессивные ставки налогообложения: при доходе до 500 руб. в год на хозяйство она составляла 20 %; от 6000 руб. – 70 %. Количество членов семьи при налогообложении не учитывалось, льготы не применялись. Помимо явно определяемых критериев кулацкого хозяйства, типа эксплуатации чужого труда, наличия сельскохозяйственных машин и т.д., впервые был назван конкретный экономический критерий – это размер нетрудового дохода более 70 руб. и наличие общего дохода на хозяйство – 450 руб. [3, Л. 317].

Другая социальная категория села – это уже раскулаченные хозяйства, проживающие в районах сплошной коллективизации и продолжающие заниматься сельским хозяйством. Они, согласно правилам, должны были переселяться на специально отведенные земельные участки, как раскулаченные по второй или третьей категории, или же, пока это не произошло, находиться на землях по постоянному местожительству. Такие хозяйства облагались в общем (нормативном) порядке (как и единоличные крестьянские хозяйства), но лишались всех льгот по налогу, и к ним не применялся необлагаемый минимум.

По коллективным хозяйствам было предусмотрено два варианта налогообложения. Так, у коммун налог взимался с дохода, у остальных (колхозы, совхозы и т.д.) – зависел от обобщественного фонда. Исчисление налога с колхоза проводилось по твердым ставкам, в случае выполнения нормы по налогообложению, он снижался. Такие меры, по мнению законодателя, должны были стимулировать их рост и развитие.

Положение 1930 г. устанавливало общие сроки уплаты налога, а отдельные республики и входящие в них территории их конкретизировали. По Иркутскому округу его нужно было уплатить с 15 сентября (для Нижне-Илимского района – 15 октября) до 15 декабря в три этапа, что способствовало снижению налоговой нагрузки. Для кулацких хозяйств устанавливался только один срок – 15 сентября [3, Л. 314].

К налогоплательщикам, не уплатившим налог в срок, применялись административные и судебные меры. Их имущество описывалось и продавалось с публичных торгов, и за каждый день просрочки предусматривалась пеня: с колхозов – 0,1 %, с единоличных хозяйств – 0,2 %, с кулацких – 1 % [2, Л. 277 об.]. В действительности данные меры активно использовались для хозяйств, подводимых под категорию кулацких, и никак – для коллективных.

В 1931 г., согласно новым правилам взимания налогов на селе, была упрощена процедура обложения коллективных хозяйств, теперь налог стал исчислялся с валового дохода. Были установлены фиксированные ставки: с сельскохозяйственных коммун и артелей – 3 коп., а с товариществ по совместной обработке земли – 4 коп. с каждого рубля валового дохода [18].

Кроме единого сельскохозяйственного налога коллективные хозяйства не должны были облагаться никакими другими платежами. К тому же им предоставлялись различные льготы, такие как: полное освобождение от налога, если валовый доход на едока не превышал 60 рублей; освобождение от обложения прироста посева против 1930 г., а также залежных и целинных земель, распаханных в 1930 г.; не облагался скот и доход колхозных ферм. Колхозы, выполнившие вовремя производственные задания по посеву, обработке и уборке, получали скидку по налогу, средний размер которой по стране составлял 10 % [18].

Поскольку материальная база колхоза формировалась за счет обобщественного имущества, то его члены не видели необходимости расширять хозяйство за счет принятия батрацких и бедняцких слоев населения, что противоречило интересам государства. Именно этим объясняется появление новой нормы в «Положении о едином сельскохозяйственном налоге на 1931 г.» – о предоставлении скидки в 75 % с валового дохода от земли, переданной в колхоз теми его членами, которые в 1930 г. были освобождены от сельскохозяйственного налога (по факту это и были маломощные единоличники – бедняки и батраки). Такое правило заставило членов колхозов по-иному взглянуть на безземельные и малоимущие слои населения и стало стимулировать к расширению своих организационных структур за счет данного контингента.

В 1931 г. личные хозяйства колхозников облагались по тем же нормам и ставкам, что и единоличные крестьянские хозяйства, но при этом от обложения освобождался весь принадлежавший им скот (за исключением рабочего).

И все же основным налогом на селе был единый сельскохозяйственный налог. Согласно постановлению Восточно-Сибирского краевого исполнительного комитета № 14/13 от 16 апреля 1931 г. «О порядке проведения закона о едином сельскохозяйственном налоге на 1931 г. по Восточно-Сибирскому краю», были определены специальные органы для его взимания: в сельских местностях – сельские советы и районные исполнительные комитеты [1, Л. 277].

На сельские советы возлагались следующие обязанности: учет источников доходов; предварительное составление списков

маломощных хозяйств, подлежащих полному или частичному освобождению от налога, и хозяйств, в которых облагаются доходы от продажи сельскохозяйственных продуктов на частном рынке; выявление «кулацких хозяйств», подлежащих обложению в индивидуальном порядке; исчисление размеров облагаемого дохода по единоличным хозяйствам и обобществленной части хозяйства членов колхозов; исчисление сельскохозяйственного налога; заполнение и вручение окладных листов по единоличным хозяйствам и хозяйствам членов колхозов; прием в соответствующих случаях платежей по налогу и пересылка их в установленном порядке в кредитные учреждения; составление актов в случае стихийных бедствий; возврат и зачет переплат налога в тех случаях, когда сельский совет производит прием платежей; ведение налогового делопроизводства, счетоводства и отчетности по налогу; наложение штрафов на сокрытие источников доходов; применение принудительных мер взыскания в порядке, предусмотренном положением о взимании налогов.

При всех сельских советах образовывались сельские налоговые комиссии во главе с председателем сельсовета в составе двух человек от сельсовета (от финансовой и земельной секций), по одному представителю от колхозов или колхозных объединений, от групп бедноты и представитель от соответствующего населенного пункта, избираемого на общем собрании граждан.

Районные исполнительные комитеты должны были: руководить и наблюдать за учетом источников доходов, определением размеров доходов, составлением и утверждением списков маломощных хозяйств, хозяйств, продающих продукты на частном рынке, и хозяйств, облагаемых в индивидуальном порядке, за предоставлением льгот, исчислением отчетности по налогу; инструктировать правления колхозов, наблюдать за исчислением ими сельскохозяйственных налогов и проверять правильность предварительного и окончательного исчисления ими налога; применять принудительные меры взыскания в порядке, предусмотренном положением о взимании налогов; налагать штрафы за несвоевременное представление неправильных сведений по налогам.

При районных исполнительных комитетах образовывались районные комиссии по единому сельскохозяйственному налогу под

руководством председателя районного исполнительного комитета или его заместителя. Функциями районных налоговых комиссий стали: предварительное рассмотрение проекта постановления райисполкома об установлении норм доходности по отдельным источникам доходов; о привлечении к обложению сельскохозяйственным налогом отраслей сельского хозяйства, а также о порядке определения доходов от этих отраслей сельского хозяйства; разрешение вопроса об освобождении от налога маломощных колхозов; рассмотрение и утверждение списков и размеров доходов хозяйств, продающих сельскохозяйственные продукты на частном рынке; рассмотрение и разрешение жалоб, заявлений плательщиков; рассмотрение и утверждение списков «кулацких хозяйств», облагавшихся налогом в индивидуальном порядке, и определение размеров их дохода.

Таким образом, схема установления и взимания налогов организационно была выстроена таким образом, чтобы каждая из этих структур контролировала друг друга, сводя появление ошибок при неправильном исчислении налогов к минимуму.

19 ноября 1932 г. ЦИК и СНК СССР дополнительно к единому сельхозналогу вводят единовременный налог на единоличные крестьянские хозяйства. Этот налог должен был восполнить некий пробел налогообложения, связанный по большей части, с перестраиванием единоличниками своей хозяйственной деятельности под новые социально-экономические реалии и их переориентиром на неземледельческие заработки [16].

В 1932 г. изменения коснулись и единого сельскохозяйственного налога. Его ставки были дифференцированы для отдельных групп хозяйств. Так, для хозяйств, облагавшихся сельхозналогом в твердых ставках, они были установлены в сумме 15-20 руб. на хозяйство; для хозяйств, облагавшихся по прогрессивным ставкам, – от 100 до 175 % оклада сельхозналога; для «кулацких» хозяйств – 200 % от оклада сельхозналога [15, с. 123].

Постановление «Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами», принятое СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 19 января 1933 г., отменяло существовавшую систему хлебозаготовок и вводило зернопоставки (имели характер налога), которые рассчитывались по фактиче-

ски засеянной площади для озимых культур и по планам сева для остальных. Для единоличных хозяйств нормы зернопоставок были на 5-10 % больше, чем у колхозников, а у кулацко-зажиточных хозяйств в полтора раза больше, чем у единоличных [17].

Новшеством нормотворчества по 1933 г. как для местных органов власти, так и для единоличников стало введение правила: для первых – огласить в марте точные цифры по объему сдачи зерна по обязательствам и по срокам их выполнения, для вторых – их выполнить.

Это привело в ряду проблем. Во-первых, далеко не все местные органы власти располагали точными статистическими данными по количеству единоличных хозяйств, поскольку под влиянием репрессивной волны эти цифры находились в постоянной динамике. Поэтому, в целях выполнить указания руководства, многие районные земельные управления стали разверстывать план сева по устаревшим данным, в результате чего в него попадали «мертвые души», т.е. хозяйства, или выехавшие из районов или совсем не занимающиеся сельским хозяйством. Так, в Ирбейском сельсовете план сева был разверстан на 84 хозяйства, хотя по факту осталось 64 [8, Л. 135].

Во-вторых, спровоцировало недовольство со стороны населения, так что краевые органы власти стали опасаться новой волны выезда из села ряда хозяйств. В своей записке Краевое Финансовое Управление предупредило сельские советы, что получив задание по зернопоставкам заранее, весной, единоличные хозяйства, «учитывая последствия невыполнения ими планов, прибегнут к выезду из своего местожительства в целях скрытия от налогового обложения», и обязало сельсоветы составлять гарантийные описи имущества и с наступлением срока уплаты (если платежи не будут внесены добровольно к сроку) производить продажу такового [6, Л. 13].

На эту ситуацию быстро отреагировали судебные инстанции. Из специальной сводки по Нижне-Удинскому району: «Единоличников нарсуд района судит так: определяет наказание два года заключения и дает 10-15 дней на выполнение плана сева. Если единоличник в это время сможет посеять, приговор отменяется, а не посееет – заключается под стражу. Так осуждено в с. Хингуй два хозяйства, в с. Еланске – одно хозяйство» [8, Л.

135].

С помощью административного нажима план хлебозаготовок 1933 г. на 20 декабря по Восточно-Сибирскому краю был выполнен на 99,5 % (колхозами на 100,4 %, единоличными хозяйствами – 104 %, по обязательной поставке – 100,9 %, совхозами – 80,5%) [7, Л. 29].

В 1933 г. в Восточно-Сибирском крае было решено освободить от сельхозналога по маломощности 15 % от общего числа колхозников и единоличных хозяйств в Акшинском, Александро-Заводском, Баргузинском, Быркинском, Газимуро-Заводском, Красночуйском, Кыринском, Малетинском, Нерчинско-Заводском, Оловянинском, Петровск-Забайкальском, Улетовском, Усть-Карийском и в других районах края до 10 % [4, Л. 69]. По предоставленным сведениям в 56 районах края было освобождено 132 314 хозяйств колхозников (12,7 %) и 204 424 хозяйства единоличников (8,1 %) [4, Л. 76].

В 1934 г. ЦИК и СНК СССР пролонгировал практику использования единовременного налога, для него были характерны повышенные ставки. Для кулацких хозяйств он составлял 200 % оклада сельскохозяйственного налога. Нормы сдачи зерна по обязательным поставкам государству были установлены для единоличных хозяйств на 50 % (для сравнение, годом ранее – на 5-10 %) выше норм, установленных для колхозов.

В 1936 г. с/х налог для колхозников был заменен подоходным налогом и стал взиматься с заработной платы.

С целью привлечения единоличника в колхоз было разработано постановление СНК СССР № 373 «О льготах единоличникам, вступающим в колхоз и продающим корову колхозной ферме» от 19 августа 1935 г. Т.е. если единоличное хозяйство при вступлении в колхоз продало корову колхозной товарной ферме по государственной цене, то оно освобождалось на два года от обязательной поставки государству молока и мяса. Аналогичные льготы распространялись и для колхозников [5, Л. 92 об. – 93]. Таким образом, документ имел цель подтолкнуть единоличника вступить в колхоз.

Документы свидетельствуют о более лояльной политике государства к колхознику, нежели чем к единоличнику и тем более – к кулаку. Это видно, например, по нормам сдачи государству картофеля: у колхозников они составили по Восточно-Сибирскому

краю в 1935 г. от 1,6 до 12 ц. с одного гектара в зависимости от сельсовета, у единоличных хозяйств – от 2 до 20 ц, а для кулацких хозяйств норма сдачи картофеля увеличивалась на 30 % по сравнению с единоличниками [9, Л. 86-86 об.]. Или: нормы помола на мельницах: для единоличных хозяйств – 30 фунтов на одного едока в месяц до выполнения единоличным хозяйством установленного для него обязательства по сдаче зерна государству, а для колхозников и колхозных хозяйств никаких ограничений не было (данные по 1935 г.) [5, Л. 92 об.].

В 1935 г. в целях оказания помощи колхозникам в обзаведении коровой и мелким скотом в личном пользовании был ут-

вержден план продажи колхозникам из колхозных ферм крупного рогатого скота – 11 300 голов, поросят – 23 300 гол., ягнят – 50 000 и т.д. [1, Л. 113].

Таким образом, налоговая политика 1930-х гг. выступила наравне с административно-правовой системой главным регулятором социального реформирования.

С помощью льгот, скидок и других дополнительных преференций, для одних, и прогрессивных ставок, дополнительных налогов и сборов, для других, была заложена новая система социально-экономических взаимоотношений на селе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Иркутской Области (ГАИО). Ф. р-440. Оп. 1. Д. 138.
2. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 6.
4. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 765.
5. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 1329.
6. ГАИО. Ф. р-1385, Оп. 6. Д. 6.
7. ГАИО. Ф. р-1385, Оп. 6. Д. 911.
8. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 123. Оп. 1. Д. 543.
9. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 277.
10. Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926-1937 гг.); под ред. Московский А. Новосибирск: Наука, 1973. 518 с.
11. Данилов В.П., Ивницкий Н.А. Ленинский кооперативный план и его осуществление в СССР // Очерки Истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках; под ред. В.П. Данилова. М.: Госполитиздат, 1963, С. 3-69.
12. Зеленин И.Е. Зерновые совхозы СССР (1933-1941 гг.). М.: Наука, 1966. 245 с.
13. Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939. Политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 315 с.
14. Ильиных В.А. Коллективизация деревни: проекты и реальность // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 27-33.
15. Марискин О.И. Налоговая политика и сплошная коллективизация сельского хозяйства в СССР: по материалам Среднего Поволжья / О.И. Марискин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. II. С. 121-124.
16. О единовременном налоге на единоличные крестьянские хозяйства в 1932 г.: постановление ЦИК И СНК СССР от 19.11.1932 г. Большевик. № 23. 29 ноября 1932 г.
17. Об утверждении инструкции по проведению в жизнь закона об обязательной поставке зерна государству: постановление СНК СССР от 27.02. 1933 г. №329 [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: <http://istmat.info/node/35898>.
18. Положение о едином сельскохозяйственном налоге на 1931 г.: постановление ИК СССР, СНК СССР от 29.03.1931 от 29.03.1931 г. [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru>.
19. Степичев И.С. Победа ленинского кооперативного плана в Восточно-Сибирской деревни. Иркутск: Вост.-Сиб. книжное издательство, 1966. 742 с.
20. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2002. Т.4. 1056 с.